

В декабре 2019 года в подмосковном пансионате «Ершово» состоялись семинары для молодых писателей «Путь в литературу. Продолжение». Союз писателей Москвы, организовавший это мероприятие, многие годы работает с молодыми авторами, выявляя талантливых, небанальных творческих людей. Многие из них уже стали победителями, лауреатами и дипломантами разных литературных премий, их имена давно на слуху у читающей публики. Многие только начинают свой путь в литературу. Но это яркое и многообещающее начало! Мастера, которые вели поэтическую часть мероприятия – Анна Аркатова, Ирина Ермакова, Елена Исаева, Александр Переверзин, – отмечают энергию, поэтическую свободу, поиск своего пути, незашоренность молодых поэтов. И искренне надеются, что авторам, представленным в этом номере журнала, суждено большое будущее.

на входе у детского сада
каштан пирамидками цвел.
не хочешь, как вспомню, а надо –
и шел.
случалось, сбежать получалось,
и благо, наш дом – визави.
подумаешь, детская шалость –
реви
над всем, предначертанным свыше,
теперь, над собою, большим:
в любви искупался – и вышел
сухим

ИВАН АСЛАНОВ

Мне метафору Бог ниспослал: человек – как свеча,
И на то ему дали конечную плоть восковую,
Чтобы свет источал, у иконки в латуни покорно торчал,
По нему же – по Богу – тоскуя.

Но не зря я сдавал теорлит:
Ведь в свече и фитиль без остатка горит!
Это что же в божественном тропе выходит такое?
Неужели среди пыльных икон
Я прикован светить, и торчать дураком,
И закончиться полностью ради чужого покоя?

Память легче мотылька,
Легче призрака в прихожей.
Отпусти ее пока.
Смерть зудит под белой кожей.

Облака в сырой зиме
Пахнут сумрачной тревогой.
Налегке поверишь мне
Ради голоса и Бога.

Дай мне время обмануть
Птичку в горле – спи спокойно.
Где-нибудь и как-нибудь,
Кафель, шторка, рукомойник.

Потолок в мелу. Страна
За стеклом и без предела.
Память легче сна. Она
Отлегла и отболела.

ЕВГЕНИЯ БАРАНОВА

ЗОЛУШКА

Я счастлива и тем, что угол отгорожен,
что ящерица спит, что вымыт потолок,
что вскормленный листвою оркестр многоножек
уехал по воде в чугунный водосток.

Горох перебирать (для памяти полезно),
готовить впопыхах, рассказывать пшеницу
о том, как холодна отчищенная бездна,
о том, как я в нее когда-нибудь нырну.

Что тыква мне, когда не выстиран нагрудник,
когда сочится пыль сквозь мучку порошка.
Успеть бы дотемна, успеть бы до полудня.
Жаль, ноги устают в хрустальных ремешках.

Найди себя в сужении кругов,
Когда затянет кучевая поволока
И штыковым дождем отрежет путь на Льгов
С мечтами о Москве, слоистый путь порога
С отходными тропинками в райцентр
Сквозь дымку сосен, комаров роистость,
Поля охровые неистовством люцерн,
Квадраты хлеба, ягодные низки;
Когда дикарский деревенский ареал
Сдаёт без боя ясеням пространство
И загоняется в бревенчатый пенал
С москитно-сетчатым и ведерным убранством.
Найди себя, покуда тусклый свет
Лениво залипает в пятистенок,
Молчалиников двустворчатых квартет
Минуя, тесноту их, копоть гренок,
Осевшую от века и на век.
Держи свечу и спички наготове –
Когда б кисель из сумерек поблек
И грудь сдавило слезное апноэ
Горизонталью грузной потолка;
И утварь заиграла б с тобой в прятки,
А глубина, вдруг, сделалась мелка;
Угвазданные грязью голопятки,
Как будто до обеда не топтав
Рыхлисть сдобных муравьиных кучек,
Забрезжили крылато и стремглав
Рассеялись в углу, глаза измучив
Желанием отчаянным прозреть –
Тогда б ты напоследок чиркнул спичкой
И запер тело в теневую клеть,
И понял – правит свет. Он вечен, ты – вторичен.

ИПОТЕЧНОЕ

Столько домов возводится,
к небу поданы.
Смотришь: пустырь-безводица,
год – и проданы
площади, метражи,
пластик, плиточки.
Нанизаны этажи,
как на ниточку.

Кипенно-белый мел,
двери, лестница.
Тысячи новых тел
в короб вместятся.
Тысячи голосов:
мамы, деточки.
И на глухой засов
свои клеточки.

В солнце бликует двор
металлический.
Каждому свой мотор
механический.
Каждый, кто так сумел –
считай, выиграл бой.
Этого ты хотел,
ипотечный мой?

L&M

Я знал твои черты в домах конструктивистских,
И в силуэтах труб, и в оголовках шахт.
Так пахнет торфяной охряно-ржавый виски,
Так екает в груди, когда объявлен шах,

Так зреют за столом пустые разговоры,
Так падают огни с седьмого этажа,
Так запоздалый гость не прокрадется вором,
И так свербит в ногах, что проснутся бежать;

Так радугой блестит засвеченная пленка,
Так в небе городском нет ни одной звезды
В дымах далекой ГРЭС, под облачной клеенкой,
Так время мчится вскачь, как Сивка без узды.

Четырнадцать часов прошли почти навывлет –
Я не сошел с ума и с рельсов не сошел.
Настанет новый день, и виски будет вылит.
Прости меня за то, в чем не был я смешон.

Я знал твои черты в домах конструктивистских,
В пыли обочин трасс и в смоге городов,
В чужих путях домой, неясных и неблизких,
Во всем, на что смотрел, во всем, на что готов...

С утра заладил дождь, и стартер неисправен,
Похмелье из ружья стреляет по вискам.
Я знал тебя во всем, чему я не был равен,
И в том, что вдруг нашел, хотя и не искал.

И уходишь во тьму ты, дура.
И плывет над дурой закат.
Подмосковный город Шатура
Необычной негой объят.

Вот и все. Дагестанец хмурый
Колу пьет, будто жизнь мою...
Вот и все, и горит Шатура,
И мне кажется, я в раю.

Ах, борзеющий дагестанец,
Подмосковные небеса...
И плывут среди труб и пьяниц
Над Шатурой твои глаза.

ЕЛИЗАВЕТА ТРОФИМОВА

я расскажу тебе потом
о детском трепете
о первозданном голубом
травинке лепете

о невозможном насовсем
вчера оставленном
сегодня отданном им всем
почти исправленном

я расскажу когда смогу
открою заново
а ты рисуешь на бегу
родное зарево

как будто можно опоздать
и не обидеться
какая это благодать
уйти приблизиться

Сложи меня из солнечных ледышек,
за стеклышком рассвета – небо дышит,
вдыхая свет и выдыхая тишь.
Меня, собрав почти наполовину,
ты попадаешь в снежную лавину,
и, обнимая всю ее, летишь.

Ни снегом, а водою родниковой
ладонь мою наполни на Николу,
и слово затрепещет под рукой,
как мотылек, в плену оконной рамы,
и вырастут из снежных зерен храмы,
и станет поле белое – рекой.

Войди в нее, не испытав ни жажды,
ни радости, единожды и дважды
войди в нее, а после, на немом
наречье помяни в житейском всуе
ты бога, что внутри себя несущая,
и отзовется бог в тебе самом.

Послушай, он звучит, не умолкая
в том зимнем сне, где ты похож на Кая,
летающего в заснеженный чертог
на ледяных санях, не зная, сколько
осталось, от зеркального осколка
до сердца: сантиметров, мыслей, строк.

В сердцевине дубовой укроется жизнь,
корни с кроной забудут друг друга,
за платформой бетонный забор побежит
и выгнутся ЛЭПы упруго.

Долгостроев гексаметры вышли в тираж,
но уже за огнями окраин
проступает и вечный осенний пейзаж,
а ему рукотворный не равен.

По-германски, по-русски петляет строка,
допивается мед равноденствий,
а в лесу ожиданья темны облака,
но прозрачны озон и силенций.

Разделиться на душу и тело, на боль
и болящее, мельче разбиться,
как стеклянный кувшин, как толченая соль,
как разорванная страница.

Над опушкой работали смутные дни
безвременья – на страх и на совесть,
но тропинка сужается, как ни тяни,
так что я и во сне беспокоюсь.
По весне корни с кронами ощупью путь
друг ко другу восставят из пепла,
но пора расходиться, и падает ртуть,
и речное зеркало ослепло.

Расходиться кругами, скрываться в тени,
зимовать по военным законам,
но и ждать, что прорежется, как ни тяни,
новый день в переплете оконном.

Он весь был – тонкость, бледная андрогинность,
Свитер с барочным вырезом, узкий проток запястья.
Обычно на людях он демонстрировал нелюдимость,
А женщина его летела над городом в белом платье.
Он сел в эльку и ехал по новым тропам,

Он смотрел в окно – туда, где сгущались ветви.
Азия была в сердце его, на губах – Европа.
А женщину то приносило, то забирало ветром.
Он объехал без малого все маршруты

По Москве и дальше, в тоннелях подземных ульев.
Ему было достаточно и минуты,
Чтобы снова...
...но женщину не вернули.

И тогда он взял флаг и маску надел кротовью,
Письменность создал, определил границы
И стал легендой... Ближнего Подмосковья,
Чтобы женщина та однажды смогла явиться.

ПОЛИНА ЛЕОНОВА

Долго кружась по телу,
вылетев из полушарий,
они приземлились, зная,
как мне щекотно от них.
Легкое щебетанье,
щекот сидящих на бронхах
ласточек и синиц.
Трепетный пух,
лапка и цевка.
Моя грудная клетка
нас не пускает в мир.

Бабка-коробка приходит на небо,
Боса и простоволоса.
Держит платок в руке.
Просит хлеба. Теревит косу.
Говорит на русалочьем языке,
На травяном языке, насекомом.
Слова застревают комом.
Ее слушают внимательно, но неохотно.
Что вы, гражданка, в самом деле?
Вон там, во втором пехотном,
Там хлеб нужнее.
А вы, извините, в теле.
Пусть в красном, пусть в черном, но в теле.

А бабка просит за дочь, за сына,
За тех, кто рядом и не рядом с ними,
За таких же тощих, пропащих,
Пропахших тиной речной, земляникой и потом.
Это потом кто-то станет панком, гопником или готом.
Места и хлеба хватит не всем.
А сейчас все – голодные и бессмертные,
их много, пока еще много.
У самого шустрого вместо клыка молочного – дырка.
Подбежал, схватил полукруглое тельце: «Позырь-ка!»
Ему кричат: «Раздавишь, не трогай!»
И вместе считают точки на спинке. Семь.

* * *

*– Итак, – приступил барышник, – вот этот
стоит совсем недорого и может еще хорошо послужить.*

Борис Виан

Представляешь, как же так можно, скопом?..
Пока в небе шла выпечка облаков
с солнечным сиропом,
на земле проводили аукцион,
торговались за стариков.

Публика была собрана и строга,
то и дело с табличкой вытягивалась рука –
лишь бы, лишь бы не проморгать
подходящего старика.

Был один превосходный лот:
грузный и серый, как кашалот..
Но ушел, к сожалению, за бесценок.
Приобрел его хозяин дорогого особняка,
посадил в углу
в декоративных целях.

А еще запомнилась (даже страшно,
как же годы бывают злы!)
неудачливая актриса, вышедшая в тираж, но
сохранившая статью и отзвуки благородства.
Некрасивая дама взяла ее мыть полы,
чтобы та оттеняла ее уродство.

Были двое (пара) – просили не разлучать.
И за них все поднимались и поднимались руки
полчаса или, может быть, целый час.
Они, видимо, умудрились набить оскомину,
раз их продавали внуки.
Чья взяла – не помню уж.

Я ведь тоже могла бы купить кого-то,
устроить своей свекровью,
чтоб нудела о времени, о здоровье
да была засохшая, как смола,
чтобы пахла ивой, шалью и молоком,
ну, ты знаешь, просто была порядочным стариком,
я б такую приобрела.

* * *

В коридорах пахнет мелом.
Вслед за матом неумелым
пятиклассников щербатых
в класс врывается звонок,
гомон, смех и ругань,
 ворох
сплетен и тетрадей, шорох
рюкзаков, подолов мятых,
спотыкающихся ног.

В коридорах пахнет потом
и малиновым компотом
из трехведерного бака
для столовой.

 На углу
опоздавший к переключке
по привычке ищет спички:
то ли съедет из барака,
то ли сядет на иглу –

это он узнает летом...
В коридорах пахнет светом.
Просквозит по кабинетам
беглый луч – и все молчат.
Опоздавший постучится,
промелькнет и истончится...
Что зимой с тобой случится,
oh my sweet and summer child?

АНГЕЛОВЫ КРУЖЕВА

Ниточка дороги
Идет под ногами прямо,
Перекрещивается с другою,
Поворачивает направо,
Закручивается в улитку,
Завязывается узелочком
И снова расходится со своей товаркой,
И идет под ногами прямо
Все дальше от места встречи.

Ангеловы кружева
Плетутся из наших судеб.
Симметричный узор
Виден,
Когда поднимаешься к облакам.
Иные ангелы, что коклюшки
С тончайшей шейей и длинным телом,
Другие острые, как иголки,
Их крылья – заточенные мечи,
А те и вовсе складываются крючком,
Из-под земли достанут и выведут к свету.

Солнечный зайчик прыгает по обоям,
Золотой клубочек.
Беги за ним,
Мимо точек, цветочков и закорючек,
Попадая в омуты фотографий,
Перелетая по сиреневым лепесткам букета,
Выпрыгивая в окошко,
Сливаясь с всесветлым солнцем.